

О ПРИРОДНОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Губанов Н.И.

профессор, заведующий кафедрой философии Тюменской государственной
медицинской академии, доктор философских наук; gubanov48@mail.ru

Губанов Н.Н.

доцент кафедры философии Московского государственного технического университета
им. Н.Э. Баумана, кандидат философских наук; gubanov48@mail.ru

Волков А.Э.

доцент кафедры истории Отечества Тюменской государственной
медицинской академии, кандидат исторических наук; gubanov48@mail.ru

Авторами предпринята попытка наметить контуры концепции тройной детерминации криминального поведения. Это поведение зависит от наследственности, социальной среды и личного начала – свободной воли человека, его разума и самодетерминации. Влияние наследственности проявляется в виде аморальных и криминальных задатков – большей или меньшей предрасположенности к агрессивным поступкам. Величина криминальных задатков человеческой популяции укладывается на кривую распределения случайных значений. Из людей, живущих в одинаковых социальных условиях, больше преступлений совершают лица с большей величиной криминальных задатков. Диагностика величины генетической предрасположенности к криминальному поведению может служить основой для разработки мер психотерапевтической коррекции поведения лиц с аномалиями генотипа, осуществления нейтрализующего внутреннего агрессивные импульсы личностного самоконтроля, создания системы воспитания, препятствующей реализации криминальных задатков.

Ключевые слова: задатки, способности, криминальные способности, биосоциальный отбор, агрессивность, свобода воли, метод близнецов, диагностика криминальных задатков.

Проблема преступности на протяжении всей истории общества волновала как юристов, так и всех остальных людей. В настоящее время в нашей стране эта проблема стала одной из самых острых и актуальных социальных проблем. И главный вопрос в этой проблеме – о причинах криминального поведения. В связи с этим большой интерес вызывают следующие вопросы: 1) существует ли природно-генетическая обусловленность нравственных качеств человека (позитивных и негативных), а также преступности; 2) целиком ли криминальное поведение определяется обучением, воспитанием, экономическими условиями и другими социальными факторами; 3) какую роль в криминальном поведении играет свободная воля человека и его разум, способны ли они препятствовать бессознательным и сознательным агрессивным импульсам?

Аналогично ситуации с проблемой биосоциальной детерминации интеллекта здесь выделялись две крайние концепции: одна, идущая от итальянского антрополога Ч. Ломброзо и представляющая преступность прямым следствием дурной наследственности, и другая, объясняющая все проявления преступности исключительно социально-экономическими и социально-культурными факторами.

Ч. Ломброзо на основе антропологических измерений осужденных за преступления людей пришел к выводу о том, что существуют прирожденные преступники, обладающие особыми физическими чертами (сплюснутый нос, низкий лоб, большие челюсти и др.). Предложенная Ломброзо таблица признаков «прирожденного преступника», по его мнению, характеризует атавистические черты личности, которая от рождения наделена преступными склонностями [1]. Продолжателем идей

Ломброзо был его соотечественник Э. Ферри. Отечественный криминолог Д.А. Дриль, признавая влияние наследственности на криминальное поведение, тем не менее считал, что термин «прирожденный преступник» неудачен. Он отмечал, что люди могут унаследовать особую психофизиологическую организацию, которая предполагает к преступлению [2].

Учение Ломброзо и его последователей абсолютизирует роль генетических факторов в осуществлении криминального поведения, но в нем, как и в любом одностороннем учении, в гипертрофированном виде содержится и определенное рациональное зерно, а именно: мысль о влиянии наследственности на криминальное поведение. В XX в. большинство отечественных авторов, в соответствии с доминировавшей и почти официальной установкой на абсолютизацию социальной сущности человека, давали отрицательный ответ на вопрос о генетической обусловленности нравственности и безнравственности, законопослушного и криминального поведения. Положение не до конца еще изменилось и в настоящее время. Хотя концепцию исключительно социальной детерминации психики человека в настоящее время никто активно не отстаивает, как, например, в 80-е годы прошлого века это делали Э.В. Ильенков и Н.П. Дубинин, но в целом при разработке антропологической проблематики наблюдается недооценка роли генетических факторов для становления способностей человека.

Это дает себя знать и при обсуждении вопроса о причинах криминального поведения. Так, в современных учебниках криминологии дается в основном негативная оценка концепции Ломброзо, не отмечается рациональный момент его взглядов, а изучение генетических аспектов преступности признается недостаточно продуктивным для профилактики криминального поведения. В последнее время отечественными философами была принята попытка синтеза рациональных моментов приведенных выше крайних концепций преступности, акцентирующих внимание на значении либо биологичес-

ких, либо социальных факторов, на основе концепции единства природной и социальной детерминации интеллекта как системы способностей [3, с. 397-402; 4, с. 394-409; 5]. Суть последней концепции состоит в следующем: для формирования способностей человека необходимы как наследственные задатки, представленные определенным уровнем морфологической структуры мозга, так и соответствующие социальные условия – игра, обучение, общение, трудовая деятельность. Наследственные задатки передаются по каналу генетической наследственности от родителей к детям и представляют собой природную одаренность человека. Социальные условия реализуют задатки и превращают их в соответствующие способности.

О необходимости наследственных задатков для формирования способностей и сознания говорит тот факт, что предпринимавшиеся неоднократно попытки «воспитания» детенышей шимпанзе вместе с детьми человека не привели к социализации обезьяны и превращению ее в разумное существо. Человек от рождения не обладает речевыми и мыслительными способностями, но имеет задатки к их формированию. Обезьяна же такими задатками не обладает. Поэтому у человека в процессе обучения и общения формируются соответствующие способности. Обезьяна же в любых условиях остается животным. Чтобы стать разумным существом, недостаточно лишь жить в социальной среде, необходим еще определенный, притом высокий, уровень биологической организации индивида.

О необходимости социальных условий для становления интеллекта свидетельствует тот факт, что дети, в раннем возрасте оторванные от общества и выросшие вместе с животными, не обладали понятийным мышлением и речью, а будучи возвращенными в общество при достижении ими определенного возраста, не могли уже научиться этому. Вне социальной среды задатки человеческого интеллекта не могут быть реализованы.

Итак, генотип детерминирует психические возможности (задатки) чело-

века, а социальные условия определяют то, насколько эти задатки реализовались посредством воспитания и обучения. В результате отсутствия направленного подбора супружеских пар и наличия естественного мутационного процесса, имеющего случайный характер, величины задатков разных людей укладываются на кривую распределения случайных величин: наибольшее количество людей обладает какой-то средней величиной задатка, а людей с большей или меньшей величиной этого задатка все меньше и меньше по мере удаления от средней величины.

Прямых способов измерения задатков еще не существует, с помощью тестов измеряют величину способности, которая представляет собой актуализированный компонент задатка. Однако наличие у людей различий в задатках подтверждают данные о том, что величины способностей, выраженные с помощью коэффициента интеллектуальности (IQ), у детей, живущих с рождения в сиротских приютах в одинаковых условиях, характеризуются статистическим распределением [4, с. 400]. Последнее объяснимо лишь различиями в величинах задатков этих детей.

Кроме различий в задатках люди имеют различия в условиях обучения и воспитания. Различия в биологической детерминации и различия в социальной детерминации способностей различных людей определяют все многообразие интеллектуальных качеств людей. Покажем двойную детерминацию способностей на гипотетическом примере. Допустим, для трех лиц задатки какой-либо способности составляют соответственно 100, 90 и 70 условных единиц. Если бы эти задатки полностью реализовались, то и их способности равнялись бы приведенным числам. Пусть возможности реализовались для каждого соответственно на 25, 30 и 40 % в зависимости от условий воспитания. Тогда их способности будут соответственно равны 25, 27 и 28 условным единицам. Таким образом, на кривую распределения по величине задатков накладывается кривая распределения по социальным условиям. В итоге не всегда те люди, которые име-

ли более высокие задатки (одаренность), будут обладать и более развитыми способностями.

Наследственные задатки проявляются в склонности человека к той или иной деятельности. Поскольку к одним видам деятельности человек проявляет большую склонность, а к другим – меньшую, то это позволяет заключить, что каждый человек обладает индивидуальным профилем одаренности – качественно своеобразным соотношением величин задатков. Существование индивидуального профиля одаренности означает, что о большей или меньшей одаренности можно говорить лишь в отношении конкретной способности: на кривой распределения величин задатков человеческой популяции один и тот же человек будет занимать разные места в зависимости от того, какая способность будет рассматриваться. Величина наиболее выраженного задатка – как бы вершина в структуре задатков – у людей может быть различной. Поэтому люди могут иметь различающуюся по степени одаренность и в том деле, которое для них служит призванием.

На основе изложенного Г.И. Царгородцевым, Г.Х. Шингаровым, Н.И. Губановым, Н.Н. Никольской были намечены контуры концепции двойной детерминации криминального поведения: человек не имеет врожденных способностей к преступлению (как и любых других врожденных способностей), но он имеет врожденные задатки к формированию криминальных способностей. Реализуются ли эти задатки, и в какой степени – определяется социальными факторами (воспитанием, обучением, экономическими и политическими условиями жизни) [4; 5]. Концепция двойной детерминации криминального поведения, несомненно, является более верной по сравнению с биологизаторской концепцией Ч. Ломброзо и социологизаторской советской концепцией. Однако и она не обладает нужной степенью адекватности.

Дело в том, что все качества человека, в том числе и те, которые влияют на его поведение, включая и криминальное,

имеют не один и не два, а три источника детерминации: 1) природное начало – генотип, наследственность человека; 2) социальное начало – экономические, политические, культурные условия жизни человека; 3) личностное начало – свободная воля человека, его разум и его собственная креативная деятельность по самосовершенствованию и созданию новых культурных смыслов. Генотип детерминирует психические возможности человека (задатки), а внешние условия, в особенности условия обучения и воспитания, а также собственные волевые усилия по самосовершенствованию определяют то, насколько эти задатки реализовались. «Неповторимый ансамбль ментальных особенностей каждого человека обусловлен взаимодействием трех начал – генетического, средового и личностного» [6, с. 92]. Человек не есть пассивное произведение биологической наследственности и внешних условий. Как справедливо отмечалось известным генетиком Д. Беляевым, «если все живое развивается в системе двух составляющих – наследственности и среды – в их взаимодействии, то для человека как личности надо добавить третий элемент, а именно самого себя, свое собственное «эго» с индивидуальным миром духа, чувств, мыслей, страстей, поведения и собственных решений» [7, с. 93]. Человек – единственное на планете существо, обладающее способностью к самодетерминации. «В лучшем своем воплощении он обладает внутренней программой активности – программой саморазвития, самосовершенствования и самореализации. Творчество человека управляется его менталитетом и заключается в создании новых форм культуры и формировании у самого себя чаемых социально-психологических свойств» [8, с. 49].

Поскольку до настоящего времени недостаточно выявлена роль наследственных задатков в осуществлении криминального поведения, то мы вначале сосредоточим внимание на этом аспекте. Предварительно необходимо пояснить следующий тонкий момент: криминальные задатки существуют в виде слабо

выраженных задатков альтруистических качеств и сильно выраженных задатков эгоистических качеств. Это и есть генетическая основа криминального поведения. Личность с такой диспропорцией задатков нравственных качеств является наиболее предрасположенной к правонарушениям. Задатки эгоизма субъективно проявляются в виде агрессивных внутренних импульсов. Чем они сильнее, тем труднее человеку их подавлять и тем больше вероятность антисоциального поведения. Таким образом, возможность криминального поведения обусловлена задатками эгоизма и агрессивности, то есть задатками отрицательных нравственных качеств. Правосознание и мораль тесно связаны друг с другом. Когда задаток реализуется, то он превращается в способность. Криминальная способность в нашем понимании – это не степень криминального мастерства, а готовность перейти черту, отделяющую законопослушное поведение от правонарушения, готовность осознанно причинить зло другим людям. Степень зла, которое преступник способен принести другим людям, может служить показателем криминальной способности. Например, один преступник способен только украсть, другой – украсть и при этом избить человека, а третий – украсть и убить при этом другого человека. Обладая свободой воли, человек решает, как ему следует поступить. И поэтому-то он и несет ответственность за свои поступки. Рамки морали шире, чем рамки права. Противоправное поведение всегда аморально. В связи с этим психологический механизм зла – аморального и противоправного – один. И он заключается в осознанной готовности личности перейти черту дозволенного.

Если отрицать наличие задатков к криминальному поведению, то становится необъяснимым само существование преступлений, поскольку любая деятельность – нравственная и безнравственная, законная и противозаконная – основана на соответствующей способности к ее осуществлению. Деятельность без способности не существует. Как справедливо отмечал известный психолог А.В. Петровский,

«способности обнаруживаются только в деятельности, которая не может осуществляться без наличия этих способностей» [9, с. 469]. В основе же самой – притом любой – способности лежит наследственный задаток, из которого и вырастает эта способность при наличии соответствующих социальных условий и активности человека.

Личностной основой криминального поведения является низкая нравственность человека, его аморализм. Отсутствие внутренних нравственных норм позволяет человеку переступить черту дозволенного в обществе законом и совершить преступление. Чем ниже уровень нравственности человека, тем на более тяжкие преступления будет способен такой человек. Имеются эмпирические подтверждения влияния наследственности на нравственную сферу человека и его поведение. Об этом свидетельствуют, в частности, некоторые факты преступности близнецов. В парах преступников-близнецов однояйцевые встречаются вдвое чаще, чем двуйцевые. Интересно еще отметить, что однояйцевые близнецы-преступники в противоположность двуйцевым оказались поразительно сходными по характеру своих преступлений, хотя совершали их независимо друг от друга [5]. Напомним, что если разница по любым признакам между двуйцевыми близнецами вызвана и наследственными различиями между ними, и различиями в условиях развития, то разница между однояйцевыми близнецами вызвана только различиями в условиях развития, тогда как наследственность у них идентична, то есть одинакова. Известно, что среди преступников со сниженным интеллектом аномалии ХХУ встречаются в 10 раз чаще, чем среди остального населения. Среди высокорослых преступников аномалия ХУУ встречается в несколько десятков раз чаще, чем среди нормальных мужчин [10].

Последние два факта показывают какой-то крайний вариант влияния генотипа на нравственные качества человека, однако можно предположить, что имеется наследственная обусловленность нравственных качеств человека не только в

условиях аномалии, но и нормы. Как показано К.К. Платоновым, любое свойство личности может рассматриваться как потенциальная способность при соотношении этого свойства с деятельностью, специфику которой оно определяет. И эта потенциальная способность превращается в актуальную тогда, как только личность начинает выполнять данную деятельность [11]. Так, доброта есть способность бескорыстно приносить пользу другим людям, альтруизм – способность любить не только себя, но и других людей, смелость – способность преодолевать опасность, честность – способность в трудных ситуациях говорить и отстаивать правду, жестокость – способность причинять другим людям страдания и т.д.

Если признать, что нравственные качества человека – это особые способности, то на них будут распространяться все сформулированные выше положения о природно-генетической и социально-культурной детерминации способностей, а именно: 1) человек обладает наследственными задатками нравственных качеств; 2) величина этих задатков обусловлена нормой реакции; 3) степень реализации задатков и становления уже самих нравственных качеств определяется условиями воспитания; 4) в человеческой популяции среди ее членов имеется нормальное статистическое распределение по величинам наследственных задатков нравственных качеств – наибольшее количество людей обладает какой-то средней величиной задатка, а людей с большей или меньшей величиной этого задатка все меньше и меньше по мере удаления от средней величины.

Притом человек обладает задатками как альтруистических, так и эгоистических качеств. Первые возникли в процессе антропосоциогенеза как реализация необходимости выживания популяции в целом, а вторые – как реализация необходимости индивидуального выживания [4, с. 402]. Как справедливо отмечает М.Л. Бутовская, «агрессия и альтруизм – две стороны единой человеческой сущности, эволюционировавшие скоордини-

рованно под действием общих внешних и внутренних факторов» [12, с. 150].

В процессе антропосоциогенеза имели место две формы естественного отбора. Одна форма – отбор отдельных индивидов, успешно конкурировавших в борьбе за существование. В результате такого отбора формировались задатки эгоистических качеств, помогавшие лучшему выживанию отдельных индивидов. Другая форма – биосоциальный отбор, то есть отбор групп, первобытных стад, которые более успешно, чем другие группы, вели борьбу за существование благодаря лучшему выполнению хозяйственной деятельности и лучшей сплоченности. Такая форма отбора обеспечивала становление задатков альтруистических качеств.

Как справедливо отмечал В.П. Эфроимсон, казалось бы, естественный отбор должен быть целиком направлен на развитие хищнических инстинктов, инстинктов господства, суперсекса, захвата территорий. Но специфика эволюционного развития человечества, в значительной мере из-за все удлиняющегося периода беспомощности младенцев и детей, такова, что естественный отбор был в очень большой мере направлен на развитие биологических основ самоотверженности, альтруизма, коллективизма, жертвенности. Эгоизм очень способствует выживанию индивида. Однако продолжение рода и сохранение группы требовало от наших предков непрерывной героической заботы о потомстве и об охране его. «Группа, стая, род, орда, не обладавшие биологическими основами мощных инстинктов и экстраполяционных рефлексов коллективной защиты потомства и группы, обрекались на гибель особой формой естественного отбора – групповым естественным отбором. Иными словами, наряду с элементарным индивидуальным отбором шел и групповой отбор на бесчисленные формы альтруизма, направленные на развитие коллективизма и множества других индивидуально невыгодных, но полезных обществу форм поведения, диктуемых совестью» [13, с. 18].

В.П. Эфроимсоном показано, что в процессе группового отбора формирова-

лись задатки реакций, направленных не только на заботу о детях, но и на заботу о старых людях. Уже на заре организации человеческих сообществ с развитием речи все большее, а может, и решающее, значение в борьбе за существование стал играть накапливаемый и передаваемый опыт. Объем знаний, умений и навыков, необходимых племени для выживания в борьбе с врагами, неуклонно возрастал. Умения и навыки изготовления орудий, одежды, добывания и поддержания огня, ловли рыбы и зверей, сбора и хранения провизии, знание повадок животных, знание свойств пищевых, целебных и ядовитых растений, знание звезд, рек, болот, гор, лечения ран и болезней, ухода за младенцами, устройства жилья – весь этот поистине энциклопедический арсенал знаний, получаемый от предков и накапливаемый, осваиваемый, проверяемый в жизни, при отсутствии письменности почти целиком становился достоянием старых людей.

Старые люди с их жизненным опытом и резервуаром хранимых в памяти знаний неизбежно становились охраняемым и почитаемым кладом для племени. От этой малочисленной в те времена группы выживание племени, может быть, зависело в гораздо большей мере, чем от молодых, неопытных добытчиков. Разумеется, старые люди уже не передавали свои гены потомству. Но группы, орды и племена, в которых охрана старых людей и помощь им не была столь же автоматической, рефлекторной и обязательной, как помощь детям, обрекались на быстрое вымирание или, во всяком случае, при прочих равных условиях, оказывались в несравненно худшем положении, чем племена, в которых все разнообразие жизненного опыта дикарей передавалось из поколения в поколение.

Итак, на всем протяжении антропосоциогенеза «отбор шел во взаимоположенных направлениях – как на альтруизм, так и на совокупность хищнических, собственных инстинктов и эмоций, в частности, и на эмоции жадности, похотливости, господства, властолюбия. Неизбежное

следствие – гетерогенность, сочетание этичности в одной сфере с неэтичностью – в другой» [13, с. 22].

Как и задатки познавательных способностей, задатки нравственных качеств могут у разных людей быть выраженными в разной степени. Н.С. Лейтес справедливо ставит вопрос о нравственной одаренности, отмечая, что в одной и той же семье вырастают и нравственные люди и нравственные уроды, причем различия эти начинают проявляться с раннего детства [14, с. 127]. Если не признавать генетической обусловленности нравственности, то нельзя объяснить тот факт, что из множества людей, проживающих в одинаковых социальных условиях, одни лица совершают правонарушения, а другие – нет.

Величина нравственной одаренности людей, как и интеллектуальной, может колебаться в очень широких пределах. Думается, что прав Д.И. Дубровский, полагающий, что «есть не только гении научные и поэтические, но и гении добра и нравственной силы... и есть, по-видимому, что-то напоминающее гения зла с его демонической силой» [15, с. 116]. С учетом того, что генотип человека неоднороден, то есть имеет место наследственная гетерогенность, можно признать правильным и положение о том, что «гений и злодейство иногда могут идти рука об руку и что не столь уж редко одаренная творческая личность отталкивается своим аморализмом» [15, с. 117].

В.П. Эфроимсон также полагал, что «гениальность не исключает реакционности... история знает немало злых гениев, оказавшихся на стороне реакции» [16, с. 15]. Гений и злодейство все же совместимы, в этом случае выдающаяся одаренность в познавательном-эстетическом (научном, художественном, политическом) отношении сочетается с плохой одаренностью в нравственном отношении.

Эгоистические качества человека можно рассматривать как личностную основу криминального поведения. Одним из таких качеств служит агрессивность, под которой понимается способность челове-

ка нанести оскорбление или вред другому человеку. Близнецовые и семейные исследования с помощью психологических опросников показали, что в межличностные различия в агрессивности примерно равный вклад вносят и разнообразие генотипов (коэффициент наследуемости равен 40-50 %), и разнообразие средовых факторов [17]. Часть генов, влияющих на различия в данной психологической характеристике, является общей для разных типов агрессивного поведения (вербального, физического, самоповреждающего) и некоторых черт темперамента (эмоциональности, импульсивности).

М.В. Алфимова и В.П. Трубников в специальном исследовании «Психогенетика агрессивности» отмечают, что «концепция одного “гена агрессивности” не реалистична... на склонность к агрессии могут влиять многие гены и сложные взаимодействия между ними... со временем, когда индивидуальная генетическая диагностика станет доступной, генетические данные можно будет использовать для оценки индивидуальной реактивности на различные средовые воздействия, провоцирующие агрессию, а значит – и для профилактики агрессии» [17, с. 121].

Существование наследственных задатков нравственных качеств не означает жесткой генетической предзаданности морального облика человека и его поведения, в том числе и криминального. Задатки есть только возможность (предрасположенность) формирования тех или иных свойств личности, а ее реализация в соответствующей степени определяется условиями воспитания, жизни в целом и собственной духовной активностью [18; 19]. Даже если человек обладал выраженными криминальными задатками и проживал к тому же в неблагоприятных социальных условиях, его свободная воля и разум могут доминировать над этими двумя негативными факторами и блокировать агрессивные импульсы.

Для осуществления криминального или законопослушного поведения особенно важны условия первых лет жизни ребенка. Многими исследователями отме-

чается, что отсутствие ласки, доброты и заботы в младенчестве может быть причиной рецидивирующей агрессивности (постоянной злобности); задатки альтруистического ряда качеств (отзывчивости, доброты, сочувствия, деликатности, бескорыстия и других) при этом почти не реализуются, и возникает безудержный эгоизм, прорывающийся в садистских стремлениях к самоутверждению, в сознательно немотивированных формах жестоких преступлений.

При изучении причин преступности всегда обнаруживается огромное множество факторов, любому из которых легко произвольно приписать решающее значение. Не абсолютизируя значения генетического фактора, надо признать его существенную роль в совершении правонарушений. Аналогично тому, как в обычных условиях болеют, например, гриппом в основном лица, наиболее к этому предрасположенные, а при ухудшении условий (скажем, резком и неожиданном похолодании) начинают болеть и менее предрасположенные, из людей, воспитанных и проживающих в одинаковых социальных условиях, преступления больше совершают те, которые имеют наибольшие задатки эгоистических качеств, а меньше преступлений совершают люди с более выраженными альтруистическими задатками. При ухудшении социально-экономических условий преступления начинают совершать и те лица, которые имеют менее выраженную наследственную предрасположенность к криминальному поведению, как это произошло, к сожалению, в республиках СНГ в последние три десятилетия.

Генотип определяет большую или меньшую возможность совершения преступления, а ее реализация зависит от условий жизни человека и его свободной воли. Важную роль в установлении конкретных социальных факторов, порождающих преступность, по справедливому мнению В.П. Эфроимсона, может иметь метод изучения близнецов [13]. В биографии каждого человека имеются криминогенные обстоятельства, то есть ситуации, в которых человек мог бы совершить правонарушение. Но лишь в немногих случа-

ях они приводят к совершению преступлений. В силу чрезвычайной сложности биографии любого человека выделение решающих криминогенных факторов почти всегда оказывается делом спорным. И именно поэтому близнецовый метод может оказать криминологии неоценимые услуги. Важно тщательное изучение биографии тех пар однояйцевых близнецов, в которых преступником стал только один из них. Поскольку в таких парах оба близнеца идентичны по генотипу и обычно попадают в почти одинаковые условия развития, именно на этих парах близнецов можно отчетливо выявить то исходное, быть может, минимальное отклонение, которое привело одного из партнеров к преступлению, а другого не затронуло. При сравнении однояйцевых близнецов наследственные различия сведены к нулю, а внешние условия, как правило, чрезвычайно сходны. Соответственно, число переменных сведено до минимума, и отыскание решающей детерминанты преступления облегчается до предела по сравнению с обычными поисками криминогенных факторов в биографии преступников.

В плане профилактики преступности основная задача нравственного воспитания заключается в том, чтобы создать условия и разработать педагогические приемы, обеспечивающие реализацию альтруистических задатков и препятствующие реализации эгоистических задатков. Особое внимание, вплоть до применения специальных психотерапевтических мер (естественно, с соблюдением норм гуманизма), должно уделяться лицам с известными сейчас аномалиями генотипа, отрицательно влияющими на нравственные качества.

Интерес к проблеме «Генетика и преступность» усилился в 90-е годы XX века, особенно в США. Там в штате Джорджия Стефан Мобли вошел в магазин, ограбил управляющего и затем хладнокровно убил его выстрелом в голову. Через несколько недель он был арестован и сознался в нескольких вооруженных ограблениях и убийствах. В надежде на смягчение наказания и сохранение жизни Мобли и его ад-

вокаты обратились к суду с просьбой провести генетическое исследование, чтобы проверить, не связано ли антисоциальное поведение их подзащитного с его генетическими особенностями. Адвокаты хотели бы доказать, что Мобли не может отвечать за свои поступки в той мере, в какой отвечает за них человек, не имеющий генетической предрасположенности к антисоциальному поведению. Однако просьба адвокатов о генетическом обследовании Мобли была отклонена, и приговор оказался суровым, но справедливым – смертная казнь [5].

Этот случай вызвал большой интерес и обсуждение в среде философов, юристов, психологов США и других стран. Как отклик на этот интерес появилась коллективная монография «Генетика и преступность» [20]. Авторы этого интересного сборника сделали, в частности, такие выводы. Генотип человека в той или иной мере влияет на антисоциальное поведение. Однако, поскольку гены не запускают конкретное поведение, а влияют на него посредством формирования определенной предрасположенности, знание собственной генетической конституции не освобождает человека от ответственности за свои антисоциальные поступки, а усиливает ее. От себя добавим, что в этом случае особенно важен личностный фактор: осознавая и осмысливая свою жизненную ситуацию и обладая свободной волей, человек может противодействовать агрессивным импульсам и оставаться на пути нравственного и законопослушного поведения.

Например, если человек знает о том, что он предрасположен к алкоголизму и агрессивному поведению после принятия

спиртных напитков, то он должен избегать ситуаций, в которых происходит употребление алкоголя. Человек в любом случае сам делает нравственный и правовой выбор, но в некоторых случаях из-за генетических особенностей и социальных факторов ему труднее сделать правильный выбор и противиться внутренним агрессивным импульсам. Авторы сборника также отмечают, что положение о том, что один определенный ген служит причиной антисоциального поведения, следует принимать скептически. На любую форму поведения влияет много генов. Кроме генотипа поведение зависит еще от множества социальных факторов. Генетическая диагностика склонности к антисоциальному поведению поможет осуществлять самоконтроль и нейтрализовать внутренние агрессивные импульсы.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы: 1) криминальное поведение человека, несомненно, зависит от его наследственности, которая проявляется в виде большей или меньшей предрасположенности к антисоциальному поведению; 2) диагностика генетической предрасположенности к аморальному и криминальному поведению может служить основой: а) создания системы воспитания, препятствующей реализации задатков эгоистических качеств и возможности правонарушений, б) разработки мер психотерапевтической коррекции поведения у лиц с нежелательными аномалиями генотипа; в) осуществления личностного самоконтроля, нейтрализующего внутренние агрессивные импульсы; 3) разум и свободная воля человека способны обеспечить ему выбор нравственного и законопослушного поведения.

1. Lombroso Ch. Uomo delinguent. Vol. 3. Torino, 1896-1897. 286 p.
2. Антонян Ю.М. Криминология. М.: Юрайт, 2012. 523 с.
3. Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. Философия: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во СГУ, 2012. 452 с.
4. Царегородцев Г.И., Шингаров Г.Х., Губанов Н.И. История и философия науки: 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во СГУ, 2014. 461 с.
5. Губанов Н.И., Никольская Н.Н. О природной и социальной детерминации нравственности и криминального поведения // Философские науки. 2002. № 2. С. 98-105.
6. Губанов Н.Н. Формирование, развитие и функционирование менталитета в обществе. М.: Этносоциум, 2014. 214 с.
7. Беляев Д. Генетика, общество, личность // Коммунист. 1987. № 7. С. 90-98.

8. Губанов Н.Н. Закономерность тройной детерминации менталитета // Вестник ТГУ. 2011. № 10. С. 46-50.
9. Петровский А.В. Введение в психологию. М.: Академия, 1995. 496 с.
10. Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма (этика с позиций эволюционной генетики) // Новый мир. 1971. № 10. С. 179-216.
11. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982. 310 с.
12. Бутовская М.Л. Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов // Общественные науки и современность. 1998. № 6. С. 149-160.
13. Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995. 288 с.
14. Лейтес Н.С. Возрастная одаренность и индивидуальные различия // Избр. труды. М.; Воронеж: МОДЭК, 1997. 448 с.
15. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: РЭИ, 1994. 120 с.
16. Эфроимсон В.П. Предпосылки гениальности (Биосоциальные факторы повышенной умственной активности) // Человек. 1997. № 3. С. 5-18.
17. Алфимова М.В., Трубников В.П. Психогенетика агрессивности // Вопросы психологии. 2000. № 6. С. 112-123.
18. Кашуба Э., Галян С., Губанов Н. О системе воспитания в вузе // Высшее образование в России. 2004. № 4. С. 12-16.
19. Губанов Н.Н. Формирование глобалистского менталитета и образование // Социология образования. 2011. № 6. С. 74-82.
20. Botkin J.R., Mc Mahon W.M., Fransis L.P. Genetics and criminality. Washington: Am. Psychol. Assoc., 2003. 227 p.